
Ванесса Ричвуд
Печать забытой любви
18+

Ванесса Ричвуд

Печать забытой любви

«Автор»
2026

Ричвуд В.

Печать забытой любви / В. Ричвуд — «Автор», 2026

Её прошлое запечатано. Её память стёрта. Но тени помнят всё.Офелия не знает, почему древняя магия пробуждается рядом с ней, почему незнакомец по имени Мариус смотрит на неё с болью и почему её возвращения ждали по обе стороны границы миров.Чтобы раскрыть правду, ей придётся довериться тому, кто, возможно, однажды уже её предал.Но есть тайны, которые лучше не вспоминать. И любовь, способная открыть врата, которые не сможет закрыть даже смерть.

© Ричвуд В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Кулон треснул 6
Глава 2. Чужой мир, знакомый незнакомец 9
Глава 3. Письмо из мёртвых 13
Глава 4. Лицо на камне 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ванесса Ричвуд
Печать забытой любви

Пролог

Эйдран умирал.

Чёрные тени ползли по стенам дворца, гасили огни и проникали в залы, где ещё недавно звучала музыка. Над башнями раскалывалось небо. За разломом клубилось Сумрачье — мир, который не должен был соприкасаться с миром живых.

Офелия стояла перед вратами, чувствуя, как магия рвётся из неё вместе с дыханием.

— Нет, — Мариус сжал её руку. — Мы найдём другой способ.

— Мы уже искали.

— Тогда будем искать дальше.

Она посмотрела на него. В серебристых глазах Мариуса отражалось пламя, но сама Офелия видела только страх. Он боялся потерять её. И она боялась оставить его — настолько сильно, что на мгновение почти отступила.

Но за вратами кричали ведущие души. Если разлом останется открытым, они вырвутся в Эйдран и поглотят всё, до чего смогут дотянуться.

— Если я закрою проход изнутри, печать удержится, — прошептала она. — Но я потеряю память. Всё, что связывает меня с этим миром.

— И меня?

Офелия не ответила.

Мариус понял и притянул её к себе. Она уткнулась лицом ему в грудь, стараясь запомнить запах его одежды, тепло рук, звук его голоса. Всё то, что однажды может стать для неё пустотой.

— Послушай меня, — сказала она. — Если я вернусь, не ищи меня. Не открывай врата. Даже если я сама попрошу.

— Я не смогу…

— Обещай.

Он долго молчал, а потом коснулся губами её лба.

— Обещаю.

Офелия подняла лицо и поцеловала его. В этом поцелуе было всё, что они не успели сказать, всё, что ещё могли потерять.

Затем она шагнула к разлому.

— Если мы встретимся снова, — прошептала она, — тебе придётся влюбить меня в себя заново.

— Я сделаю это хоть тысячу раз.

Офелия улыбнулась сквозь слёзы и исчезла в чёрном свете.

Врата захлопнулись.

Тени отступили. Небо перестало раскалываться. Эйдран выжил.

Мариус остался один, сжимая в руке старинный кулон. По его поверхности бежали чёрные трещины. Он опустил голову.

И тогда его тень шевельнулась.

— Ты ведь знаешь, что она вернётся, — произнесла она голосом Офелии.

Мариус резко поднял глаза.

Тень улыбнулась.

— И в следующий раз она сама откроет врата.

Глава 1. Кулон треснул

Я никогда не верила в приметы. Не потому, что считала мир простым и понятным. Скорее наоборот: с детства мне хватало странностей, чтобы не искать новые.

Например, тени.

Иногда они двигались чуть позже своих хозяев. Иногда вытягивались в сторону, откуда не падал свет. А однажды, когда мне было девять, тень на стене моей спальни подняла руку, хотя я лежала под одеялом и даже не шевелилась.

Я рассказала об этом бабушке. Она не рассмеялась и не сказала, что мне приснилось. Просто присела рядом, поправила одеяло и велела запомнить две вещи. Никогда не снимать кулон, который она мне подарила. И никогда не отвечать, если из темноты позовут по имени.

Тогда я решила, что бабушка просто любит старые сказки.

Теперь, спустя годы после её смерти, я уже не была в этом так уверена. Утром я стояла перед зеркалом в ванной и пыталась собрать волосы, когда заметила неладное. Я подняла руку, чтобы убрать прядь с лица. Отражение повторило движение с опозданием.

Я замерла.

В зеркале я тоже застыла, глядя на себя сонными глазами. Обычное лицо, растрёпанные волосы, бледная кожа. Ничего особенного.

— Отлично, Офелия, — пробормотала я. — Теперь ты ещё и галлюцинации ловишь.

Я отвернулась, потянулась за резинкой и снова посмотрела на зеркало. Отражение улыбалось. Я не улыбалась.

У меня похолодели пальцы. Я резко обернулась, но за спиной никого не было. Только полотенце, приоткрытая дверь и серый свет пасмурного утра, падающий из окна.

Когда я снова посмотрела в зеркало, всё стало нормально. Я несколько секунд не двигалась, прислушиваясь к собственному дыханию. Потом нервно рассмеялась, умылась холодной водой и решила не рассказывать об этом никому. Последний раз, когда я пыталась объяснить кому-то подобное, меня отправили к врачу.

Кулон лежал у основания шеи — старинный, овальный, с тёмным камнем в серебряной оправе. Бабушка отдала его мне за несколько месяцев до смерти. Тогда она впервые показалась мне по-настоящему испуганной.

«Что бы ни случилось, не снимай его, Офелия».

Я спросила, почему.

Она ответила: «Потому что однажды ты можешь забыть, кто ты».

Тогда я решила, что это просто старческая загадка. Теперь эти слова иногда возвращались ко мне посреди ночи. Я коснулась кулона кончиками пальцев. Камень был холодным. Слишком холодным для украшения, которое несколько часов лежало у меня на коже.

— Что ты от меня скрываешь, бабушка? — тихо спросила я.

Ответа не было. Я вышла из ванной, оделась и заставила себя заняться обычными делами. Заварила кофе, проверила сообщения, открыла окно на несколько минут. Город жил своей привычной жизнью: машины шуршали по мокрому асфальту, соседи торопились на работу, кто-то ругался у подъезда из-за неправильно припаркованного автомобиля.

Всё было нормально. Я повторяла это себе весь день. Всё нормально. До тех пор, пока моя тень не повернула голову. Это случилось вечером, когда я возвращалась домой. Улица была заполнена людьми, над крышами сгущались сумерки, а в лужах отражались редкие огни витрин. Я шла, глядя под ноги, когда заметила, что моя тень вытянулась вперёд. Свет фонаря падал мне за спину. Тень должна была лежать позади.

Я остановилась.

Она тоже остановилась, но не сразу. Сначала её голова повернулась в сторону узкого переулка между двумя зданиями. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Нет, — прошептала я. — Даже не думай.

Тень медленно подняла руку и указала в переулок.

Я отступила.

В ту же секунду на другой стороне улицы появился мужчина. Высокий, одетый в длинное чёрное пальто. Тёмные волосы падали ему на лоб, лицо казалось слишком бледным для уличного света. Но не это заставило меня забыть, как дышать.

Я знала его. Не в том смысле, в каком узнают человека, которого однажды видели в магазине или встречали на остановке. Я знала его лицо так же хорошо, как собственное.

Я видела его во сне. Каждую ночь в течение последних нескольких месяцев. Он всегда стоял на другой стороне огромного зала, среди чёрных колонн. Иногда протягивал ко мне руку. Иногда кричал что-то, чего я не могла разобрать. А когда я пыталась приблизиться, между нами открывалась тьма. Я просыпалась с ощущением, что оставила кого-то умирать. Теперь он стоял в нескольких метрах от меня.

Живой. Настоящий. Его взгляд встретился с моим. Мужчина побледнел ещё сильнее.

— Офелия?

Моё имя прозвучало так, будто он произнёс его после долгих лет молчания.

Я отступила на шаг.

— Мы знакомы?

Он не ответил. Его взгляд упал на кулон.

И всё выражение его лица изменилось.

— Откуда он у тебя?

— Это не ваше дело.

— Сними его.

Он двинулся ко мне. Я отступила, но он остановился, словно боялся подойти ближе.

— Послушай меня внимательно. Ты должна снять кулон. Немедленно.

— Вы меня преследуете?

— Если бы я тебя преследовал, ты бы не увидела меня до того, как стало слишком поздно.

— Очень убедительно.

Я развернулась, собираясь уйти, но в этот момент камень на моей груди болезненно обжёг кожу. Я вскрикнула и схватилась за кулон. По тёмной поверхности пробежала тонкая чёрная трещина. Мужчина выругался.

— Нет. Только не сейчас.

— Что происходит?

Он протянул руку, но не успел коснуться меня.

Мир остановился.

Сначала исчезли звуки. Шум машин, голоса прохожих, шелест ветра — всё оборвалось в одно мгновение. Мужчина, переходивший дорогу, застыл с поднятой ногой. Девушка у витрины замерла с телефоном в руке. Капля воды повисла в воздухе возле моего лица.

Я оглянулась. Никто не двигался. Потом погасли фонари. Одна за другой исчезли тени людей, машин, зданий. Они словно проваливались в асфальт, оставляя после себя пустоту. Кроме моей.

Моя тень лежала у ног, хотя света больше не было. Затем она медленно поднялась. Я отшатнулась, но ноги будто приросли к земле. Тень вытянулась, обрела очертания человеческой фигуры и опустилась передо мной на одно колено.

— Хранительница, — прошептала она.

Я попыталась закричать, но голос не вышел.

— Кто ты? — наконец выдавила я.

Тень подняла голову.

Вместо лица у неё была гладкая чернота, но я чувствовала её взгляд.

— Та, кем ты была до того, как забыла.

Кулон треснул ещё раз.

В воздухе перед нами возникла тонкая вертикальная линия. Она расширилась, словно кто-то раздвигал невидимую ткань, и за ней показался чёрный камень.

Арка.

По ту сторону виднелся город с высокими башнями, мостами и узкими улицами. Над ним висело фиолетовое небо, а между зданиями двигался густой туман. Вдалеке сияли огни, похожие на звёзды, хотя они находились слишком низко над крышами.

Я никогда не видела этого места. Но почему-то знала, что оно настоящее.

— Нет, — прошептала я и попятилась. — Нет, я туда не пойду.

Мужчина оказался рядом.

— Офелия, слушай меня. Что бы ты ни увидела, не отвечай голосам. И не позволяй своей тени коснуться тебя.

Я посмотрела на него.

— Кто вы?

Он открыл рот, но из арки донёсся женский голос:

— Офелия…

Я узнала его мгновенно.

Бабушка.

— Иди ко мне, милая.

У меня перехватило дыхание.

— Бабушка?

Мужчина схватил меня за руку.

— Не отвечай!

Но я уже сделала шаг.

Из арки вырвалась чёрная рука и обхватила моё запястье. Я закричала, пытаясь вырваться, но сила тянула меня внутрь. Мужчина удерживал меня другой рукой.

— Не снова! — крикнул он. — Только не снова!

Я успела увидеть его глаза — серебряные, полные ужаса и чего-то ещё. Чего-то, что было слишком похоже на боль человека, который однажды уже потерял меня.

— Мариус! — выкрикнул он, обращаясь будто к кому-то за моей спиной.

И тогда моя тень поднялась, обвила мою талию и потянула в противоположную сторону. На мгновение я оказалась между двумя силами. А потом кулон рассыпался холодными искрами. Мужчина выпустил мою руку.

Мир перевернулся. Я провалилась в темноту, слыша, как голос бабушки шепчет моё имя, а незнакомец кричит вслед:

— Офелия, если ты меня слышишь, не доверяй тому, что помнишь!

И в последний миг перед тем, как тьма поглотила всё, я поняла самое страшное. Я не знала этого мужчину.

Но моё сердце узнало его.

Глава 2. Чужой мир, знакомый незнакомец

Первое, что я почувствовала, — холод.

Я открыла глаза. Надо мной раскинулось чёрное небо с фиолетовыми прожилками и серебристыми трещинами. Я лежала посреди каменного круга, окружённого разрушенными колоннами. Голова болела, на запястье краснели следы от чужих пальцев.

Последнее, что я помнила, — чёрная арка в переулке, голос бабушки и незнакомец, кричавший, чтобы я не отвечала. Потом чья-то рука схватила меня, кулон раскололся, и мир провалился во тьму.

Я коснулась шеи. Цепочки не было. Кулон принадлежал бабушке. Она подарила его мне, когда мне исполнилось девять, и велела никогда не снимать. Тогда я считала это одной из её странных привычек. Теперь мне стало страшно: возможно, она знала гораздо больше, чем рассказывала.

Вокруг высились острые башни, а между горами клубился туман. Но страшнее всего были тени. Они двигались сами по себе: стекали по стенам, вытягивались против ветра, собирались в трещинах.

Я подняла руку. Тень у моих ног повторила движение с опозданием.

— Прекрати, — прошептала я.

Тень склонилась к земле.

— Офелия.

Я обернулась. У пролома между колоннами стоял мужчина из переулка. На рукаве его одежды темнела кровь. Он смотрел на меня так, будто только что вернул то, что уже считал потерянным.

— Не подходи!

Он остановился и поднял руки.

— Хорошо.

— Где я?

— В Эйдране.

— Что это ещё за Эйдран?

— Мир, в который ты попала через врата.

Я нервно рассмеялась.

— Ты хочешь сказать, что я оказалась в другом мире из-за чёрной арки в переулке?

— Да.

— И это должно меня успокоить?

— Нет. Но другого объяснения у меня пока нет.

— Кто ты?

— Мариус.

Имя отозвалось во мне странной болью. На мгновение я ощутила тепло чужой ладони и услышала шёпот: «Не уходи». Затем видение исчезло.

— Что со мной?

— Возможно, начали возвращаться воспоминания.

— Какие? Я тебя впервые вижу!

— Для тебя — впервые.

В его голосе прозвучала такая боль, что я замолчала.

— Мы знакомы?

— Да.

— Насколько близко?

Мариус посмотрел мне в глаза.

— Ты любила меня.

Я отступила.

— Ты с ума сошёл. Я не помню тебя и не собираюсь верить незнакомцу только потому, что он утверждает, будто я его любила.

— И не нужно, — тихо ответил он. — Я не стану требовать от тебя чувств, которых ты не помнишь.

— Почему ты был в переулке?

— Я искал тебя. Кулон начал трескаться, и я понял, что печать слабеет.

— Какая печать?

— Кулон был не просто украшением. Он скрывал твою магическую природу и удерживал часть воспоминаний. Пока печать оставалась целой, те, кто искал Хранительницу, не могли найти тебя.

— Хранительницу?

— Тебя, Офелия.

— Кто меня ищет?

— Те, кто хочет получить власть над вратами и переходами между мирами. Если они узнают, что ты вернулась, ты окажешься в опасности.

— Откуда ты всё это знаешь?

Мариус отвёл взгляд.

— Я пытаюсь исправить то, что однажды пошло не так.

— Это не ответ.

— Знаю.

Я вспомнила о бабушке.

— Откуда у неё был кулон?

— Она была связана с этим миром.

— Она жила в обычном доме, пекла яблочные пироги и заставляла меня надевать шарф даже летом. Она умерла три года назад.

— Я знаю.

— Тогда откуда ты её знаешь?

— Я не утверждаю, что она жива. Но ты могла не всё знать о её прошлом.

Мне захотелось закричать. Бабушка была единственным человеком, которому я доверяла безоговорочно. Теперь незнакомец говорил о ней так, словно за моей жизнью скрывалась другая, неизвестная мне история.

— Если ты лжёшь мне, я никогда тебя не прощу.

— Ты имеешь право не доверять мне. Я не стану тебя заставлять.

— Мне нужно домой.

— Я помогу тебе найти путь назад, когда это станет возможно.

— А сейчас невозможно?

— Мы не знаем, почему врата открылись. Если пройти обратно, не разобравшись с разломом, можно навредить обоим мирам.

— Значит, я застряла здесь.

— Пока — да.

Мы пошли по узкой тропе между руинами. Мариус держался на расстоянии и не пытался взять меня за руку. Вдоль дороги росли растения с серебристыми листьями; когда я проходила мимо, они поворачивались вслед за мной.

— Они магические? — спросила я.

— Некоторые чувствуют людей, другие реагируют на силу.

— Значит, я сильная?

— Я не знаю, какая магия осталась у тебя после печати.

— Ты хоть что-нибудь знаешь наверняка?

— Знаю, что тебе нельзя оставаться здесь одной. Ты пока не умеешь отличать опасные тени от тех, которые пытаются предупредить тебя.

— Предупредить о чём?

— Этого я тоже не знаю.

Я продолжила путь. Тропа вывела нас на старый мост. Внизу среди тумана мерцали огни.

— Что это?

— Ведущие души. Они ищут путь, но не всякая тень хочет причинить вред.

Один огонёк замер, словно заметил меня, а затем исчез.

Вскоре мы добрались до небольшого каменного убежища у подножия холма. Внутри стояли стол, два стула и узкая кровать. В камине тлели угли.

— Здесь ты живёшь?

— Нет. Это временное убежище.

— Часто приводишь сюда девушек из других миров?

— Ты первая.

— Какая честь.

На его лице мелькнула улыбка. На мгновение он показался мне знакомым, но ощущение тут же исчезло.

— Сначала расскажи, как мне вернуться домой.

Мариус достал из сумки тёмный металлический осколок и положил на стол. По поверхности бежали чёрные трещины.

— Это остаток магии кулона. Само украшение разрушилось, когда ты прошла через врата.

— Можно восстановить печать?

— Я не знаю.

— А память?

— Кулон не стирал воспоминания, а удерживал их за границей твоего сознания. Если печать ослабнет окончательно, фрагменты могут начать возвращаться.

— И это опасно?

— Иногда воспоминания возвращаются вместе с болью и магией, которую ты пока не умеешь контролировать.

— Ты боишься, что я вспомню?

Мариус долго молчал.

— Я боюсь, что тебе придётся пережить всё заново.

— Что именно?

— То, что заставило тебя запечатать память.

Внутри всё сжалось.

— Ты знаешь, почему я это сделала?

— Знаю часть истории. Но не хочу подменять твои воспоминания своими словами. Ты должна сама разобраться в том, что произошло.

— Ты говоришь так, будто заботишься обо мне.

— Я и правда забочусь.

— Но я тебя не помню.

— Я знаю.

Он произнёс это без упрёка.

— Я не обещаю, что поверю тебе, — сказала я.

— И не нужно обещать.

— Но я хочу узнать правду. О кулоне, о бабушке, о себе. И о тебе тоже.

Мариус кивнул.

— Тогда начнём с того, что сможем проверить.

В комнате стало холоднее. Угли в камине погасли один за другим. Тень у двери вытянулась по полу и поползла к столу.

— Мариус…

Он мгновенно встал между мной и тенью.

— Не двигайся.

Силуэт поднялся над полом, словно дым, и замер передо мной. Я должна была испугаться, но вместо страха почувствовала странное узнавание — будто эта тень ждала меня очень давно.

Я протянула руку.

— Офелия, не надо!

Но пальцы уже коснулись тьмы.

Мир замер. Пламя застыло, пылинки повисли в воздухе. В голове прозвучал шёпот:

Наконец-то.

Я отдёрнула руку. Время снова пришло в движение.

— Ты слышал? — спросила я.

Мариус побледнел.

— Нет. Что ты услышала?

— Она сказала: «Наконец-то».

Он смотрел на тень так, словно узнал её, но боялся произнести это вслух.

— Что это значит?

— Пока не знаю.

Тень скользнула к стене. На камне начали проступать чёрные буквы.

ЛИАРА.

Я прочитала имя вслух.

— Лиара.

Мариус резко побледнел.

— Не произноси его.

— Почему?

Он приблизился к стене, но не прикоснулся к надписи.

— Это имя первой Хранительницы.

— И какое отношение она имеет ко мне?

Мариус промолчал.

Буквы медленно растворились в камне. На их месте осталась тонкая царапина, будто кто-то пытался вырезать имя изнутри стены.

Я посмотрела на него.

— Утром ты отведёшь меня туда, где я смогу найти ответы.

— Ты уверена?

— Нет. Но я устала бояться того, чего не понимаю.

Он медленно кивнул.

— Тогда утром мы отправимся в старое убежище Хранителей.

Я снова посмотрела на стену. Имя исчезло, но ощущение, что оно связано со мной, осталось. Я не знала Лиару и не помнила её лица, но тень выбрала именно это имя. Впервые с момента пробуждения страх уступил место решимости. Я должна была узнать правду — даже если она окажется страшнее всего, что могла представить.

Глава 3. Письмо из мёртвых

Старое убежище Хранителей пряталось в глубине леса, за грядой серых камней. Низкие стены почти сливались со скалой, а крыша заросла мхом. Если бы Мариус не знал дорогу, я прошла бы мимо, приняв строение за развалины.

— Здесь жили Хранители? — спросила я.

— Некоторые. До того, как Совет приказал закрыть убежище.

— Совет Сумерек?

Он кивнул. Я уже начинала узнавать его манеру: Мариус мог сказать правду, но оставлял вокруг неё столько пустого места, что она становилась похожа на ложь.

— Ты бывал здесь с бабушкой?

На его лице мелькнуло что-то болезненное.

— Однажды. Но не с ней.

Я повернулась к двери: возможно, стены окажутся честнее Мариуса. На тёмном дереве был вырезан знак: круг, пересечённый тремя тонкими линиями. Я узнала его не глазами, а каким-то внутренним чувством. Под пальцами знак потеплел.

— Не нажимай, — предупредил Мариус.

Я уже коснулась резьбы. По линиям пробежал серебристый свет, и дверь открылась бесшумно. Внутри пахло пылью, холодным камнем и сухими травами. В углублениях стен мерцали крошечные огоньки.

— Оно узнало тебя, — сказал Мариус.

— Ты говоришь так, будто это нормально.

— Для Хранительницы — да.

Слово повисло между нами. Я переступила порог, не дожидаясь, пока он предложит руку. На дальней стене обнаружилась узкая дверь, обитая потемневшим металлом. Над ней был вырезан тот же круг, но в центре проступала маленькая ладонь. Когда я подошла, огоньки в стенах вспыхнули ярче.

— Там что?

Мариус мгновенно оказался рядом.

— Архив. В нём хранили вещи, которые нельзя было оставлять на виду.

— Например, письма?

Слово будто поднялось из глубины памяти. Мариус напрягся. Я приложила ладонь к знаку. По металлу прошла дрожь, и тонкая нить света обогнула моё запястье, прежде чем исчезнуть в резьбе. Раздался щелчок. Дверь приоткрылась. Мариус схватил меня за руку, но защитный знак вспыхнул между нами и отбросил его на шаг. Воздух наполнился звоном, похожим на удар хрустального бокала.

— Магия ударила по тебе, — сказала я.

На его ладони проступила красная полоса.

— Защита не позволила мне приблизиться к тому, что принадлежит тебе.

— Почему?

— Архив открылся для тебя. Не для меня.

В центре архива стоял каменный постамент с деревянным ларцом, перевязанным выцветшей синей лентой. На крышке был вышит знак, который я помнила по кулону: тонкий круг, пересечённый трещиной. Я машинально коснулась груди. Цепочки больше не было, но кожа всё ещё помнила её холод. Ларец открылся, когда я коснулась ленты. Внутри лежал сложенный лист бумаги и маленький ключ из тёмного серебра. На внешней стороне листа знакомым почерком было написано моё имя.

Офелия. Я узнала почерк сразу. Так писала бабушка, когда оставляла мне записки на кухонном столе. Но бабушка умерла три года назад.

— Это её письмо, — прошептала я.

Мариус остался у двери.

— Похоже, она оставила его для тебя.

— Как оно могло попасть сюда?

— Я не знаю.

Я посмотрела на него. На этот раз он не пытался приблизиться или убедить меня довериться ему. Я развернула лист.

«Моя дорогая Офелия.

Если ты читаешь это письмо, значит, печать больше не удерживает то, что я так долго пыталась спрятать. Прости меня за молчание. Я хотела подарить тебе обычную жизнь, хотя понимала: однажды выбор всё равно окажется перед тобой. Не бойся каждой тени, которую встретишь в Эйдране. Живые тени не всегда враги. Некоторые помнят то, что люди заставили себя забыть. Некоторые защищают границу между мирами лучше тех, кто называет себя её стражами. Но не следуй за ними вслепую: память может быть правдивой и всё же неполной. И не доверяй человеку только потому, что он помнит ваше прошлое лучше тебя. Тот, кто помнит, может любить. Может сожалеть. Может пытаться искупить вину. Но память не делает его правым, а любовь не даёт ему права решать за тебя. Ищи историю Лиары, но не верь той версии, которую рассказывают в залах Совета. Из неё вычеркнули самое важное. Если тебе скажут, что первая Хранительница добровольно закрыла врата и спасла Эйдран, спроси, кто заплатил за это решение и почему её имя стало запретным. Не позволяй никому убедить тебя, что ты обязана повторить её путь. Я не смогла рассказать тебе всё, пока была рядом. Возможно, это была трусость. Возможно, единственный способ дать тебе время вырасти и выбрать самой. Не принимай правду на веру только из-за того, кто её произнёс. Проверь каждое слово. Даже моё.

Ты не обязана спасать мир ценой себя. Ты не обязана помнить, чтобы быть собой. Твоя жизнь принадлежит тебе. Бабушка».

Я дочитала и поняла, что задерживала дыхание. Слова о человеке, который помнит наше прошлое лучше меня, будто легли между мной и Мариусом тонким ножом. Я снова посмотрела на письмо. У самого сгиба обнаружилась строка, написанная мельче остальных. Чернила были темнее, словно слова проступили позже. «Если рядом с тобой будет Мариус, не отдавай ему это письмо, пока не узнаешь, что произошло в ночь падения первой печати».

Защитный знак засветился. Тонкая серебряная нить вытянулась из края письма и легла мне на запястье. Когда Мариус приблизился, нить натянулась и вспыхнула.

— Что там написано? — спросил он.

Я сжала лист.

— Пока не знаю.

Это была первая ложь, которую я сказала ему с момента нашего знакомства. Она далась слишком легко.

Мариус посмотрел на мою руку. В его глазах мелькнуло узнавание, а затем страх.

— Защита не должна была сработать так.

— Почему?

— Не знаю.

— Бабушка написала о Лиаре и первой печати. Ты знаешь, что случилось в ту ночь?

Мариус долго молчал.

— Я знаю, что Совет не рассказывает всей правды. Имя Лиары связано с тем, чего до сих пор боятся в Эйдране. Но я не могу утверждать, что знаю, что именно произошло.

— Ты был там?

Он отвёл взгляд на секунду.

— Нет. Не в ту ночь.

Я не стала давить. Бабушка просила проверять каждое слово, даже её собственное. Мне нужны были доказательства, а не история, которую Мариус, возможно, и сам не знал целиком. Я сложила письмо и убрала во внутренний карман куртки. Серебряный ключ оставила в ларце: стоило мне коснуться его, как по металлу пробежала тёмная волна. Я не знала, для какой двери он предназначен, и решила не проверять его силу наугад.

— Ты не отдашь мне письмо? — спросил Мариус.

— Нет.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

— Ты даже не спросишь почему?

— Ты не обязана объяснять мне каждое своё решение.

Ответ застал меня врасплох. Я ждала возражений или попытки убедить меня, но Мариус отступил, освобождая проход. Письмо было датировано днём моего девятого рождения.

В тот день бабушка отвела меня к врачу: утром я проснулась с высокой температурой. Вечером она сидела рядом, пока я засыпала, и рассказывала сказку о девочке, которая боялась собственной тени. Я помнила её голос, холодный компресс на лбу и то, как она поправила кулон у меня на шее. Но письмо, написанное в тот же день, говорило о печати, Эйдране и первой Хранительнице так, будто бабушка уже знала, что я однажды окажусь здесь.

Я проверила дату ещё раз. Потом перевернула лист, надеясь найти объяснение на обороте. Там ничего не было.

— Что случилось? — спросил Мариус.

Я могла показать ему письмо и спросить, как оно оказалось в убежище. Но последняя строка всё ещё жгла мне ладонь сквозь ткань кармана.

— Дата не совпадает с тем, что я помню, — сказала я. — Больше пока ничего.

Мариус не стал настаивать. Он подошёл к окну. Между стволами медленно скользнула тень, остановилась, словно заметила нас, а затем исчезла за камнями.

— Нам нельзя оставаться здесь надолго, — сказал он. — Если убежище проснулось, другие могли почувствовать его магию.

— Совет?

— Совет. И те, кто следит за переходами. Не знаю, кто доберётся первым.

— Тогда нам нужно найти историю Лиары и узнать, что произошло в ночь падения первой печати.

— Да.

— Я сама решу, когда и что тебе рассказать.

Мариус склонил голову.

— Хорошо.

Я не знала, виноват ли он в том, о чём предупреждала бабушка. Не знала, почему защитная магия отталкивала его от письма. Не знала даже, почему дата совпадала с днём, который я помнила как самый обычный день детства. Но теперь у меня было нечто, кроме чужих объяснений и догадок. У меня было письмо. И бабушка оставила мне не готовую истину, а способ искать её.

Я спрятала лист глубже в карман. За окном тень снова появилась между деревьями. На этот раз я не позвала Мариуса и не последовала за ней. Я не позволила страху заставить меня забыть, что выбор принадлежит мне. Завтра мы отправимся искать историю Лиары. А письмо останется у меня — до тех пор, пока я сама не решу, кому можно доверить его тайну. На этот раз я поверила не Мариусу. Я поверила собственному решению.

Глава 4. Лицо на камне

Святилище ведущих душ оказалось совсем не таким, каким я его представляла.

Я ожидала увидеть руины — обрушенные колонны, разбитые алтари, следы давно забытого культа. Но проход, в который привёл меня Мариус, закончился высокими ступенями из чёрного камня. Они уходили вниз, под землю, туда, где между стенами медленно плыли серебристые огни.

Впереди не было ни дверей, ни стражей. Только арка, оплетённая тонкими корнями, похожими на застывшие тени.

— Это и есть убежище ведущих душ? — спросила я.

Мариус остановился рядом.

— Одно из мест, где они оставляли то, что не хотели доверять живым.

— Очень обнадёживает.

— Я не обещал, что здесь будет уютно.

Я посмотрела на него. В полумраке его лицо казалось ещё более усталым, чем обычно. Под глазами залегли тени, а пальцы правой руки то и дело сжимались, будто он удерживал невидимую боль. Мне хотелось спросить, что именно он здесь ищет. Хотелось узнать, бывал ли он в этом месте раньше и почему до сих пор не рассказал мне о нём.

Но за последние дни я поняла: если задавать Мариусу вопросы, он отвечает ровно настолько, насколько сам считает нужным. А я больше не собиралась довольствоваться чужой мерой правды.

— Прежде чем мы войдём, — сказала я, — договоримся об одном.

Он повернулся ко мне.

— О чём?

— Если здесь есть что-то, связанное со мной, ты не будешь решать за меня, что мне можно знать.

На его лице промелькнуло выражение, которое я уже научилась узнавать. Не раздражение. Не злость. Скорее страх, слишком глубоко спрятанный, чтобы его можно было назвать вслух.

— Офелия…

— Нет. Сначала ответ.

Мариус долго смотрел на меня, затем медленно кивнул.

— Я постараюсь.

— Это не обещание.

— Другого я пока не могу тебе дать.

Почему-то именно эта честность задела меня сильнее очередной недомолвки. Я отвернулась первой и шагнула под арку. Внутри было тихо. Не так, как бывает в пустой комнате или лесу перед рассветом. Здесь тишина казалась живой. Она окружала меня, скользила по коже, прислушивалась к моему дыханию. Где-то в глубине святилища звенела вода, хотя я не видела ни ручья, ни источника.

Зал открывался постепенно. Сначала показались колонны, уходящие в темноту. Потом — широкие плиты пола, покрытые тонкими линиями, похожими на письмена. И наконец я увидела статую. Она стояла в центре круглого зала, на низком постаменте. Женщина в длинном одеянии держала ладонь над раскрытой каменной книгой. Другая рука была прижата к груди, словно она пыталась защитить нечто невидимое.

Лицо статуи было обращено к входу. Я сделала ещё один шаг. И остановилась. У женщины были мои глаза. Не просто похожие. Те же — с едва заметным изгибом внешних уголков, с тем оттенком, который в человеческом мире менялся от серого к зелёному в зависимости

от света. Тот же подбородок. Та же линия губ. И тонкий шрам у левой брови. Я машинально коснулась собственного лица. Шрам был на месте.

— Мариус, — произнесла я, не отрывая взгляда от камня. — Кто это?

Он не ответил.

Я обернулась.

Он смотрел на статую так, словно она ударила его. Лицо побледнело, губы приоткрылись, но ни одного слова не прозвучало.

— Ты знал, — поняла я.

— Нет.

— Ты знал, что здесь находится эта статуя?

— Нет, Офелия.

Он ответил слишком быстро, однако в его голосе не было уверенности. Только потрясение.

Я снова посмотрела на каменную женщину.

— Тогда объясни, почему она выглядит как я.

Мариус приблизился к постаменту, но остановился за несколько шагов до него. Между ним и статуей словно существовала невидимая граница.

— Это Лиара, — тихо сказал он.

Имя упало в тишину, как камень в глубокую воду.

Первая Хранительница.

Та, о которой рассказывали живые тени. Та, чьё имя заставило Мариуса насторожиться ещё в первый день моего пребывания в Эйдране.

— Ты говорил, что Лиара жила очень давно.

— Так гласит история.

— История, которой нельзя доверять?

Он перевёл на меня взгляд.

— История, в которой слишком многое осталось недосказанным.

Я снова взглянула на статую. Каменная Лиара смотрела куда-то поверх наших голов, и в её неподвижном лице было что-то мучительно знакомое. Не сходство с моим отражением — другое. Будто я уже однажды видела этот взгляд, только не могла вспомнить где.

— Значит, я похожа на первую Хранительницу, — сказала я. — И ты не знаешь почему.

— Я не знаю, почему статуя выглядит именно так.

— Это очень удобное различие.

— Я не пытаюсь тебя обмануть.

— Тогда почему мне кажется, что каждый раз, когда мы подходим к правде, ты ищешь дорогу обратно?

Он ничего не ответил.

Вместо этого Мариус посмотрел на пол у постамента.

Тонкие письмена между плитами начали светиться.

Сначала едва заметно — как угли под пеплом. Потом серебряные линии вспыхнули одна за другой, образуя круг вокруг статуи. Воздух наполнился сухим запахом каменной пыли и грозы.

— Отойди, — сказал Мариус.

— Почему?

— Офелия, отойди от постамента.

Я не двинулась.

Свет под моими ногами становился ярче. На мгновение мне показалось, что линии не просто лежат на камне, а движутся под ним, словно корни, тянущиеся к моим ступням. Потом я услышала детский плач. Тихий, прерывистый. Он доносился из-за статуи. Я обошла поста-

мент прежде, чем Мариус успел меня остановить. И мир исчез. Я стояла посреди незнакомого пространства, залитого тусклым белым светом. Под ногами была земля, мокрая от дождя. Впереди высилась каменная арка, расколотая пополам. За ней клубилась густая тьма, в которой двигались длинные тени.

Перед аркой стояла маленькая девочка. Ей было лет семь или восемь. Тёмные волосы прилипли к щекам, платье промокло насквозь. Она крепко сжимала в руках что-то маленькое и блестящее. Рядом с ней стояла женщина. Я не видела её лица полностью, но узнала бы этот силуэт среди тысячи других. Плечи, наклон головы, рука, осторожно лежащая на детском затылке…

Бабушка. Сердце сжалось так сильно, что я едва смогла вдохнуть.

— Нет, — прошептала я.

Женщина наклонилась к девочке и сказала что-то, чего я не расслышала. Девочка покачала головой. Её пальцы сильнее сжались вокруг блестящего предмета. Потом женщина обернулась. Я не могла увидеть её лица, но знала, что она смотрит прямо на меня.

— Не позволяй им назвать это спасением, — произнесла она.

Голос был бабушкиным. Я попыталась шагнуть к ней, однако земля под ногами рассыпалась чёрной пылью. Девочка подняла голову. На её лице был тот самый шрам у левой брови. Мой шрам. Арка за её спиной распахнулась беззвучно. Из тьмы протянулась длинная рука, и женщина резко прижала ребёнка к себе.

Последнее, что я увидела, — девочка обернулась через плечо. Её глаза были моими. А потом кто-то схватил меня за руку. Я резко вдохнула и обнаружила, что снова стою в святилище. Мариус удерживал меня за запястье. Его пальцы были холодными, почти болезненно крепкими.

— Смотри на меня, — приказал он. — Офелия, смотри на меня.

Я выдернула руку.

— Не трогай меня!

Он сразу отступил. Я прижала ладонь к груди. Сердце колотилось так, словно я только что бежала через весь Эйдран.

— Я видела бабушку.

Лицо Мариуса изменилось.

— Что именно ты видела?

— Ребёнка у врат. Женщину, похожую на неё. Они стояли перед разломом. И она сказала…

Я замолчала. «Не позволяй им назвать это спасением». Слова звучали в голове так отчётливо, будто бабушка произнесла их секунду назад.

— Что она сказала? — повторил Мариус.

— Почему ты так хочешь знать?

— Потому что видения в святилище могут быть опасны.

— Это не ответ.

— Я знаю.

Он провёл рукой по лицу. Впервые за всё время нашего знакомства он выглядел человеком, который не знает, что делать дальше. И почему-то это пугало меня сильнее его привычной сдержанности. Я посмотрела на статую. Свет на полу постепенно угасал. Лиара снова стала обычным камнем, но теперь её сходство со мной казалось почти невыносимым.

— Девочка была похожа на меня, — сказала я. — У неё был мой шрам. Почему?

Мариус не ответил.

— Ты обещал не решать за меня, что мне можно знать.

— Я помню.

— Тогда говори.

Он открыл рот, но в этот момент за колонной что-то тихо звякнуло. Мариус мгновенно повернулся на звук. Его рука скользнула под плащ, к поясу. На мгновение я увидела рукоять ножа, но он не вытащил оружие.

— Кто здесь? — спросил он.

Ответом стала тишина. Затем я заметила, что его другая рука сжата в кулак.

— Мариус?

— Нам нужно уходить.

— Нет. Мы только пришли.

— Офелия…

— Ты сам привёл меня сюда.

Я шагнула к нему, и он невольно отступил. Это движение оказалось красноречивее любых слов. Он чего-то боялся. Не статуи. Не святилища. Того, что я могла увидеть. Я посмотрела на его сжатую руку.

— Что ты прячешь?

— Ничего.

— Покажи.

— Это не имеет отношения к тому, что произошло.

— Тогда тебе нечего скрывать.

Он долго смотрел на меня, а потом медленно разжал пальцы. На ладони лежало кольцо. Тёмный металл, потускневший от времени. По ободу шли тонкие узоры, почти стёртые, а внутри я заметила что-то красноватое, засохшее в углублении. Кровь — или то, что когда-то было кровью. Мариус тут же закрыл ладонь. Но я успела увидеть гравировку на внутренней стороне. Моё имя. Офелия. У меня похолодели пальцы.

— Откуда оно у тебя?

— Это старое кольцо.

— Я вижу.

— Оно ничего не доказывает.

— Я ещё ничего не утверждала.

Он сжал кольцо так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Ты не должна делать выводы, пока не узнаешь всей истории.

— Удивительно. Ты говоришь это каждый раз, когда история касается меня.

— Потому что иногда правда может причинить больше вреда, чем ложь.

Я рассмеялась — коротко и невесело.

— А иногда это просто удобный способ оставить человека в неведении.

Мариус вздрогнул, будто я ударила его. На секунду мне захотелось забрать свои слова обратно. Не потому, что я считала их неправдой, а потому, что увидела в его глазах знакомую боль. Но жалость не могла заменить доверие.

— Я не прошу тебя рассказать всё прямо сейчас, — сказала я тише. — Я прошу перестать притворяться, будто мои вопросы опаснее твоих секретов.

Он опустил взгляд на закрытую ладонь.

— Я не знаю, как рассказать тебе об этом, не причинив боли.

— Тогда начни с того, что знаешь.

Молчание затянулось. Где-то далеко, за стенами святилища, снова зазвенела вода. Наконец Мариус поднял глаза.

— Я знаю, что это кольцо принадлежало человеку, которого я обещал защитить.

— Мне?

Он не ответил. Но и не отвернулся. Этого оказалось достаточно, чтобы я поняла: он услышал вопрос. И сознательно не дал мне ответа. Я отвернулась от него и посмотрела на Лиару. Каменная женщина по-прежнему держала ладонь над раскрытой книгой. Теперь я заметила

на её запястье тонкую линию, похожую на трещину. Она спускалась к ладони и исчезала под складками каменного одеяния.

Мне вдруг вспомнился мой кулон — холодный металл на коже, предупреждения бабушки, тёмные искры, в которые он рассыпался у врат. Если статуя хранила память, почему она показала мне именно это видение? И почему в нём были я, бабушка и врата, которых я никогда не помнила? Я подошла к постаменту ещё раз. Мариус не остановил меня.

На нижнем крае камня проступили буквы. Я не знала этого языка, но смысл пришёл сам собой, будто кто-то прошептал его мне прямо в сознание.

Первая Хранительница не ушла одна. Я отступила.

— Ты это видишь? — спросила я.

Мариус подошёл ближе, прочитал надпись и застыл.

— Что она означает? — потребовала я.

Он провёл пальцами по каменным буквам, словно надеялся стереть их.

— Не знаю.

На этот раз я почти поверила ему. Почти. Потому что, когда мы направились к выходу, я заметила отражение Мариуса в гладкой чёрной плите у стены. В отражении он всё ещё стоял возле статуи. Его рука была раскрыта, и кольцо лежало на ладони. А за его спиной стояла женщина с моим лицом. Она наклонилась к нему и что-то прошептала. Мариус в отражении закрыл глаза. И покачал головой.

Я моргнула.

Отражение стало обычным. Только Мариус по-прежнему шёл рядом со мной, сжимая в кулаке кольцо, которого я больше не видела. Я не стала рассказывать ему о том, что заметила. Не сейчас. Потому что впервые с момента моего возвращения в Эйдран я поняла: Мариус был не единственным, кто хранил тайны моего прошлого. И, возможно, не все они хотели, чтобы я вспомнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.